

УДК 821.111

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЭКВИВОКАЦИИ И АВТОРСТВЕ «ТРАКТАТА ОБ ЭКВИВОКАЦИИ»

В продолжение дискуссии с Н.С. Зелезинской («Словопреступление: Размышления об историческом контексте написания трагедии У. Шекспира “Макбет”...») в статье изложена позиция в отношении сущности эквивокации и рассмотрена проблема авторства «Трактата об эквивокации». Особое внимание уделено точке зрения Дэвида Джардина: в 1851 году он опубликовал трактат и сопроводил его «Предисловием», предоставив в распоряжение читателей открытия, связанные с трактатом.

Эквивокация, «Трактат об эквивокации», Дэвид Джардин, Роберт Саутвелл, Генри Гарнет.

Прежде всего, я хочу выразить искреннюю признательность Наталье Станиславовне Зелезинской¹ (Белорусский государственный университет) за глубокое обсуждение явления эквивокации в статье «Словопреступление» [3] и за рецензию на мою монографию [2]. При написании книги я старалась оставаться в границах, обозначенных в названии: «Эквивокация в “Макбете”: речевая природа трагедии», но очень рада тому, что Н.С. Зелезинская вывела разговор в общий для всех нас контекст: «По сути дела, эквивокация – та же ложь. Или все-таки не ложь? А если не ложь, то что? Здесь и сейчас мы оцениваем ложь во благо как явление морально допустимое и даже положительное, фиксируя в словарях следом за определением лжи такие устойчивые сочетания, как *ложь во спасение* и *святая ложь*» [3, с. 46]. Исследователь дала красноречивую поддержку из статьи о лжи Владимира Соловьева в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1896), где Соловьев выводил понятие «необходимой лжи» и ставил вопрос о том, «позволительно или непозволительно делать сознательно несогласные с фактической действительностью заявления в крайних случаях», как, например, для спасения жизни [3, с. 46].

Замечу, что, готовя к печати «Трактат об эквивокации», Дэвид Джардин² думал о том же. В «Предис-

ловии», датированном 1 мая 1851 года, он отмечал, что при публикации было бы неуместно опровергать доктрину, изложенную в трактате, но у него не было сомнений в том, что превратное понимание природы лжи хорошо ощутимо: *«The shallowest thinker can hardly fail to perceive that the fallacy which pervades the whole is a misapprehension of the nature of a lie»* [9, с. xxvi–xxvii]. Для Дэвида Джардина принципиально восприятие иезуитами доктрины лжи как греха – в самом прямом и буквальном смысле (*the most rigid and literal sense*): ложь недопустима ни ради спасения жизни, ни ради отведения бедствий, сколь бы велики они ни были. Иезуиты не рассуждали о том, неизменно ли, универсально ли правило правды, возможны ли из него исключения. Я бы подчеркнула, что правда для иезуитов превыше всего, и она предполагает, прежде всего, верность себе, миру, Богу. Не находя выхода из существовавшего противоречия (между своей правдой и запретом на нее в Англии – об этом речь пойдет далее), иезуиты избрали путь оправдания уклонения от правды установлением различия между

«Narrative of My Missions to Constantinople and St. Petersburg in the Years 1829 and 1830» (в качестве чрезвычайного посланника в Константинополе, фон Мюффлинг содействовал заключению мира России с Турцией).

Для нас важны работы Дэвида Джардина в его профессиональной сфере. Он готовил к изданию судебные документы: «General Index to Thomas Bayly Howell’s Collection of State Trials» (1828), «Remarks upon the Letters of Thomas Winter and the Lord Mounteagle, lately discovered by J. Bruce. ... Also upon the Evidence of Lord Mounteagle’s implication in the Gunpowder Treason» (1841). Прочитав лекцию об использовании пыток в Англии в 1836 году, в следующем году он издал ее: «A Reading on the use of Torture in the Criminal Law of England previously to the Commonwealth». В 1846-м выпустил «Remarks on the Law and Expediency of requiring the presence of Accused Persons at Coroner’s Inquisitions». В 1851-м вышел подготовленный им «Трактат об эквивокации», в 1857-м – книга о Пороховом заговоре («A Narrative of the Gunpowder Plot», 1857). Профессиональное обсуждение высококвалифицированного юриста породило новый виток дискуссий о крайне неоднозначном Пороховом заговоре.

¹ Моя благодарность за обсуждение в личной переписке публикуемой здесь статьи, замечания и предложения Н.С. Зелезинской и В.С. Макарову.

² Дэвид Джардин (David Jardine, 1794–1860) по окончании Университета Глазго получил звание барристера (1813). Занимался адвокатской практикой и параллельно писал. Начал с перевода на английский сказок братьев Гримм. Вместе с коллегой Эдгаром Тейлором (Edgar Taylor, 1793–1839) они перевели 31 сказку («German Popular Stories»). Опубликованная анонимно в 1823 году, книга стала бестселлером. Второй том вышел в 1826-м, но над этими 24 сказками Тейлор работал уже один. К переводу с немецкого Дэвид Джардин вернулся на склоне жизни. В 1855 году он обратился к мемуарам барона Карла фон Мюффлинга, прусского фельдмаршала (Friedrich Karl Ferdinand Freiherr von Müffling, 1775–1851):

«ложью в терминологии» (*a lie in terms*) и «ложью в намерении и осуществлении» (*a lie in intention and effect*). Дэвид Джардин подчеркивает, что иезуиты считали несущественным намеренное создание ложного впечатления на слушателя при условии, что говоривший прибегал к своей защите путем использования неких двусмысленных выражений или умолчаний. Если речь с использованием эквивокации спасала от лжи (иезуиты избегали говорить неправду), намерение обмана и его осуществление они не считали грехом [9, с. xxvii]. Подчеркну, создание неоднозначного эффекта было принципиальным: на него нацелена их тактика и от его успешности зависела возможность проповеди истины, ради чего они жертвовали жизнью.

Напомню исторический контекст. Первый этап в истории английского постреформационного католицизма датируется 1558-м (год восшествия на престол Елизаветы, когда протестантская англиканская церковь утвердилась в качестве официальной) – 1605-м годами (после Порохового заговора католики не могли не ощутить маловероятность католической реставрации в Англии). До событий 5 ноября английские католики надеялись, а католические священники в деятельности и пропаганде исходили из того, что католицизму удастся снова стать официальной религией. Разумеется, некоторые предвидели печальную для своей веры перспективу с начала правления Елизаветы. Исход католиков из Англии последовал практически сразу, так, известно, что в первое десятилетие ее правления более ста членов совета колледжей покинули Оксфорд из-за несогласия с переходом к протестантизму [1, с. 80].

В 1568 году по инициативе Уильяма Аллена (Allen, 1532–1594), бывшего ректора колледжа St. Mary's Hall в Оксфорде (в 1587 году он станет кардиналом римско-католической церкви), в Дуэ была открыта католическая семинария, которая должна была стать центром образования английского католицизма. Напомню, 25 февраля 1570 года Папа Пий V (1504–1572) выпустил буллу «*Regnans in Excelsis*», в которой объявил королеву Англии еретичкой, отлучил ее и ее сторонников от церкви – тела Христова³, постановил считать принесенные клятвы в верности недействительными и освободил подданных от службы ей и необходимости исполнять ее приказы⁴.

В 1573 году первые выпускники католической семинарии были возведены в священнический сан и в 1574-м прибыли в Англию. (Параллельно – с 1574 года – английские власти переходили от несистематических преследований и штрафов к постоянному давлению на католиков.) В 1574–1580 годы в Англию для служения прибыли 103 священника-миссионера [11, с. 111; 14]. Примерно половину католических свя-

щенников арестовывали, некоторых пытали. Многие подолгу оставались в тюрьмах, но большинство были отпущены с условием, что они покинут страну (одни выполняли условие, другие возвращались снова). 29 ноября 1577 года был казнен первый католический священник, окончивший семинарию в Дуэ, – Катберт Мэйн. Мирянин, в доме которого его арестовали, Фрэнсис Треджиан, оставался в тюрьме до 1601 года. Всего за рубежом в 1558–1603 годы были возведены в сан 815 английских священников, в 1603–1659-м – 925, причем большинство вернулись служить в Англию [подробнее см: 4, 6, 12, 15]. Английские иезуиты на территории страны появились летом 1580 года.

При подготовке парламентского законодательства против католиков в 1581 году Уильям Сесил олицетворял те силы, которые хотели сделать жизнь для католиков в Англии невозможной. Под влиянием Елизаветы был принят более умеренный вариант. Согласно закону «Об удержании королевских подданных в должном повиновении» (1581), в предательстве обвинялись те, кто высказывался в поддержку Папы, агитировал против подчинения королеве и законно установленной религии. Закон был сформулирован столь двусмысленно, что при необходимости мог быть применен к любому убежденному католику. С этого года преследование католиков стало еще более жестким. В 1581–1603 годы, согласно подсчетам историков, казнены 178 священников и 76 католиков-мирян (в первой половине XVII века – еще 20 священников) [8; 11, с. 177].

В 1585 году был издан парламентский «Акт против иезуитов, священников-семинаристов⁵ и других подобных им непокорных лиц». На основе этого Акта казнены 123 католических священника и 36 католиков-мирян – более чем по какому-либо другому [7]. Тем не менее, численность иезуитов в стране росла. В 1598 году в Англии было 18 иезуитов, в 1607-м – 43, затем цифры устремились к 150–200 и держались в этих рамках на протяжении полутора столетий [5, с. 206–209].

Вернемся к «Трактату об эквивокации». Дэвид Джардин воспроизвел его на основе рукописи из Бодлеанской библиотеки. История рукописи известна, и в монографии я касалась отдельных моментов, необходимых для логики повествования книги. Впервые о трактате узнали в связи с расследованием по делу участников Порохового заговора. На суде, перечисляя средства конспираторов, сэр Эдвард Кук возмущенно говорил о «вероломной, лжесвидетельствующей эквивокации, которой содействовали, разрешали и оправдывали иезуиты» [9, с. iii]. Он говорил (и затем писал: «*A True and Perfect Relation of the whole Proceedings against the late most barbarous Traitors, Garnet, a Jesuit, and his Confederates*». Printed by the King's Printer, 1606) о «Трактате об эквивокации» как написанном незадолго до кончины королевы (время написания продолжает оставаться спорным вопросом). Отметил, что книгу разрешили Генри Гарнет (1555–1606), префект английских иезуитов, и Джордж Блэквелл (George Blackwell, ок. 1545–1613), римско-католический архипресвитер Англии (Archpriest).

³ «Therefore, resting upon the authority of Him whose pleasure it was to place us (though unequal to such a burden) upon this supreme justice-seat, we do out of the fullness of our apostolic power declare the foresaid Elisabeth to be a heretic and favourer of heretics, and her adherents in the matters aforesaid to have incurred the sentence of excommunication and to be cut off from the unity of the body of Christ» [13].

⁴ «And also (declare) the nobles, subjects and people of the said realm and all others who have in any way sworn oaths to her, to be forever absolved from such an oath and from any duty arising from lordship...» [13].

⁵ Имеются в виду священники-выпускники католических семинарий.

В ходе следствия Генри Гарнет признал, что собственноручно зачеркнул в названии трактата слово «эквивокация» и написал сначала «Трактат о лживом и обманном сокрытии», затем изменил предлог: «Трактат против лживого и обманного сокрытия». Он внес и другие изменения и добавления, причем нет сомнений, что это его рука: сохранилось немало написанных и подписанных им документов, и его почерк легко узнаваем. Блэквелл, как говорил Эдвард Кук, «окропил» трактат своим благословением («...*Blackwell besprinkles it with his blessing...*») – на трактате есть его разрешение на печать [9, с. iv–v].

Обстоятельства обнаружения рукописи Эдвард Кук зафиксировал на форзаце: «Эту книгу, содержащую 61 страницу, я нашел в покоях в Иннер Темпл, где обыкновенно останавливался (*used to lye* – обыгрываются значения глагола: *останавливаться*, *временно жить* и *лгать*) сэра Томас Трэшем, и которую он заказал для младших сыновей. 5 декабря 1605. Эдв. Кук» [9, с. v–vi]. Томас Трэшем умер в сентябре 1605 года за несколько недель до событий Порохового заговора. Упомянутые Куком покои в Иннер Темпл он занимал в течение двух-трех лет. Несмотря на то что он был ревностным католиком, оснований для предположений о его причастности к Пороховому заговору нет. Его старший сын и наследник Фрэнсис Трэшем участвовал не только в Пороховом, но во всех католических заговорах и в восстании графа Эссекса (освобождение Фрэнсиса было связано с большими трудностями и уплатой значительной суммы денег). Занимаясь этими опасными делами, Фрэнсис частенько останавливался в покоях в Иннер Темпл. В письме к лорду Солсбери Эдвард Кук отмечал, что рукопись была найдена в его столе [9, с. vi–vii].

Допросы (9, 10 декабря 1605 года) Льюиса и Уильяма, младших сыновей сэра Томаса Трэшема, показали, что было две копии трактата: одна – фолио, другая – кварто. Фолио переписано с кварто Джорджем Вавасуром, секретарем Томаса Трэшема (после его смерти Джордж остался на службе у Фрэнсиса). На допросе 9 декабря Джордж Вавасур признал, что 4-5 лет назад по просьбе мистера Фрэнсиса Трэшема он переписал фолио с кварто. Он упомянул, что, поскольку последний лист кварто истрепался от многократного использования, он переписал и его и вместо старого положил новый лист. Рукопись в Бодлеанской библиотеке полностью отвечает его описанию [9, с. vii–ix].

Каким образом именно этот документ, обнаруженный Эдвардом Куком, оказался в Бодлеанской библиотеке? После казни Генри Гарнета были неоднократные выступления в его защиту. В 1610 году европейское внимание привлекла «Апология Генри Гарнета» («*Apologia pro Henrico Garneto*») греческого иезуита Андреаса Евдемона-Иоанна (*Andreas Eudamon-Joannes*, 1566–1625; Дэвид Джардин ошибочно полагал, что это псевдоним иезуита по фамилии L'Heureux [9, с. xi]). По-видимому, для Джардина следующий факт был не важен (он его не упоминает), но известно, что сначала с ответом Евдемон-Иоанну выступил Исаак де Казобон (*Isaac de Casaubon*, 1559–1614). В ответ на его «*Epistle to Fronto Ducaeus*» (1611) Евдемон-Иоанн пишет «*Responsio ad epistolam*

Isaaci Casauboni». Популярность «Апологии» возрастает, и в дискуссии должен вступить еще и Роберт Аббот (*Robert Abbott*, 1560–1617), профессор королевской кафедры богословия в Оксфорде, в последующем епископ Солсбери. «Трактат об эквивокации», как и другие документы допросов и признаний по делу Порохового заговора, предоставлены в его распоряжение, по-видимому, через младшего брата Джорджа Аббота, архиепископа Кентерберийского (1562–1633). В документах, относящихся к Пороховому заговору, сохранилась записка (от 9 октября 1612), сопровождавшая отправляемые архиепископу Кентерберийскому документы (числом 51), а также документы об их получении (10 октября и 13 ноября 1612) и возврате (1 июля 1614). Обратное было получено все, за исключением обвинительного акта и «Трактата об эквивокации». «Антилогия»⁶ Роберта Аббота («*Antilogia versus Apologiam Andreae Eudamon-Joannis*») была опубликована в 1613 году. Не отправленный назад трактат остался в Ламбете, где и был обнаружен Уильямом Лодом (*Laud*, 1573–1645), преемником Джорджа Аббота. Вместе с другими рукописями Лод передал его в Бодлеанскую библиотеку [9, с. xi–xiii].

Что касается авторства «Трактата об эквивокации», это спорный вопрос. Казалось бы, когда обвинили и казнили Роберта Саутвелла (ок. 1562 – 21 февраля 1595), логично было считать его автором трактата. Но ситуация повторилась с Генри Гарнетом (июль 1555 – 3 мая 1606), причем в его случае возможны варианты: Гарнет мог продолжить и завершить работу Саутвелла и мог сам написать трактат. Так или иначе, через 10-летие эквивокация снова стала центром судебного разбирательства: других улик против отца Гарнета не было. Его упорно стремились выставить в смешном свете – как уваливавшего человека, преуспели в этом и казнили.

Кто еще претендует на авторство? Дэвид Джардин упоминает следующие версии современников событий:

- Эдвард Кук предполагал, что трактат был написан иезуитом Джоном Джерардом (*John Gerard*, 1564–1637): «*Sir Edward Coke, in a Note respecting the Treatise, to be seen at the State Paper Office, says it was 'suggested to have been written by Gerard, the Jesuit'*» [9, с. xiii]. Не могу еще раз не подчеркнуть, что именно Эдвард Кук судил и долго и пристрастно обсуждал с подсудимыми эквивокацию, отправив и Саутвелла, и Гарнета на смерть, при этом его предположение, как мы видим из вышеприведенной цитаты, – Джон Джерард (*John Gerard*, 1564–1637). Джон Джерард известен знаменитыми побегами – сначала из Тауэра в ночь на 4 октября 1597 года, затем из Англии – в день казни отца Гарнета. Будь он схвачен, могло бы состояться третье судилище по делу эквивокации. Джерард скончался в возрасте 73 лет, изложив свои воспоминания (книга была написана на латыни, и переводчик

⁶ Антилогия – метод аргументации, когда, исходя из утверждения противника, стараются обосновать противоположное и противоречащее суждение, с тем чтобы вынудить оппонента или принять оба суждения (т.е. вступить в противоречие с самим собой), или отказаться от своей исходной позиции.

в XX веке назвал ее «Автобиографией преследуемого священника» – «The Autobiography of a Hunted Priest»).

- Томас Мортон (1564–1659), декан Уинчестера, позднее епископ Личфилда и Ковентри, Дарема, полагал («Full Satisfaction concerning a Double Romish Iniquity, Rebellion, and Equivocation», 1606), что авторами могли быть Джозеф Крессвелл (Joseph Cresswell, 1557–1623?) или Трэшем [9, с. xiii].

- Исаак де Казобон (1559–1614) в знаменитом письме («Letter to Fronto Dicaeus») цитировал трактат, не называя по имени его автора [9, с. xiii].

- для Роберта Аббота в «Антилогии» при критике доктрины эквивокации было важно не имя автора, а то, что автор является неким приспешником Сатаны («*Sacerdos quidam Satanae*») [9, с. xiv].

Дэвид Джардин упоминает, что более поздние авторы (он не называет имен, и мне здесь тоже не хотелось бы углубляться в эту тему) приписывали трактат Гарнету, Трэшему, Блэквеллу – на том основании, что каждый из них так или иначе имел отношение к рукописи [9, с. xiv].

Для меня важен тот факт, что именно Роберт Саутвелл впервые защищал доктрину эквивокации на суде, причем прибежал к примерам, использованным в трактате. Думаю, что Роберт Саутвелл и Генри Гарнет могли узнать об этой доктрине еще в колледже (как и все другие семинаристы). В мае 1586 года, когда они вдвоем возвращались в Англию для исполнения миссии – поддержания веры в католиках и обращения в католичество колеблющихся, идея уже могла быть взята ими на вооружение. Мне представляется вполне вероятным, что Саутвелл изложил доктрину, напечатал трактат, Гарнет после его смерти внес многочисленные добавления, в том числе упоминания Саутвелла – отдал долг своему сподвижнику. Настаивать на этой точке зрения было бы неправомерно по той простой причине, что современникам тайну авторства раскрыть не удалось (они не продвинулись далее предположений), причем среди них были такие проникательные и в высшей мере заинтересованные профессионалы, как сэр Эдвард Кук (1552–1634), самый известный юрист эпохи правления Елизаветы и Якова; сэр Джон Попхэм (1531–1607), генеральный прокурор, затем верховный судья Англии. Прискорбно, что и Роберт Саутвелл, и Генри Гарнет за «измену» и эквивокацию отдали жизни. Осторожность и эквивокация позволили им послужить их вере и правде, в разной мере отсрочив смертный приговор, но не избегнув его.

Можем ли мы доверять противной – правительственной стороне? Как я уже пыталась показать в монографии, нет. На этот раз приведу размышления Дэвида Джардина из «Предисловия» к его «Рассказу о Пороховом заговоре». Он не скрывал, что было бы наивно ожидать правдивого и полного отчета от официальной публикации властей. Правительство видело своей целью показать происходившее в политически выгодном им свете, но отнюдь не намеревалось публиковать правду с целью проинформировать население. Практикой того времени было, по мнению Джардина, водить людей «на детском поводке» и проливать на политические события ровно столько света, сколько власти считали необходимым. Если для дос-

тижения желаемого эффекта нужна была часть правды, обходились ею; если требовалось, и эту часть изменяли в соответствии с поставленной целью:

Although it is quite clear from the existence of this mass of documents that the Privy Council of James I were fully acquainted with all the details of the conspiracy, it was not to be expected that a fair or full statement should be officially published. The object of the government was to turn the transaction to the best political account, and nothing could be further from their intention than to publish truth merely for the information of the people. The practice of those days was to hold their people in leading-strings on political subjects and so much light only was given respecting occurrences of state as the Privy Council though convenient and useful for the attainment of their objects. Where the whole truth would not produce the intended effect, a part only was published; and where the part would not exactly suit the purpose, no scruple was made of garbling and altering it [10, с. 7].

Размышляя об эквивокации и славянских аналогах слова, неминуемо вспоминаешь «кривду». В словаре С.И. Ожегова «кривда» это «ложь, неправда» (с пометой «устаревшее»). В народном мировосприятии правда ассоциируется с божественным, и пословицы зафиксировали установку на вечное: «Правда у Бога, а кривда на земле», «Кривью жить, не у Бога быть» (у Бога не быть), «Правда да свята, на небо взята», «На суде Божьем право пойдет направо, а криво налево» и др. Стремясь к правде, иезуиты сознательно прибегали к «кривда-говорению» (*кривдоречению?* *кривдословию?*) с целью служения их вере. Власти же уверенно шли путями кривды, не гнушась никакими подтасовками и манипуляциями.

Для Дэвида Джардина при подготовке трактата и книги о Пороховом заговоре была важна демонстрация самого инструмента искажения истины, широкого практиковавшегося среди данного круга лиц в данный период истории. История первого современного издания трактата является важной в качестве образца обращения последующих эпох к крайне специфическому религиозно-политическому материалу. В этот пласт очень непросто проникать, и, помимо прочего, опыт юриста и издателя XIX века представляет взгляд человека эпохи прогресса на эквивокацию XVI–XVII веков. Нам, знающим о тоталитарных режимах XX века, в каком-то отношении, быть может, легче понять логику эквивокации. Меня явление эквивокации при написании монографии привлекло именно в шекспировском контексте, шире – в контексте литературы того времени. Есть эпохи, когда трудно или невозможно обходиться без эквивокации, и начало Нового времени в Англии – одна из них, что любопытно само по себе, но я заинтересовалась этим феноменом именно на уровне работы в тексте: как действует уклончивость – как закладывается и как считывается двусмысленная информация. Как бы внимательно мы ни читали Шекспира, мы не можем сделать какого-либо рода заключения о его вероисповедании (люди разных религий и вероучений, включая буддизм, видят в нем «своего»), и в этом он превзошел учителей.

Литература

1. Ерохин, В.Н. Английское католическое сообщество в XVI – первой половине XVII века в современной британской историографии: монография [Электронный ресурс] / В.Н. Ерохин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2012. – URL: <https://www.academia.edu/17218449> / В.Н. Ерохин_Английское_католическое_сообщество_в_XVI_-первой_половине_XVII_века_в_современной_британской_историографии.
2. Зелезинская, Н.С. Рецензия на книгу: Егорова Л.В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии: монография. Вологда: ВоГУ, 2018. 164 с. / Н.С. Зелезинская // Вестник ВоГУ. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4 (11). – С. 105–107.
3. Зелезинская, Н.С. Словопреступление: Размышления об историческом контексте написания трагедии У. Шекспира «Макбет» в продолжение статей и монографического исследования об эквивокации Л.В. Егоровой / Н.С. Зелезинская // Вестник ВоГУ. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4 (11). – С. 46–49.
4. Anstruther, Godfrey. The Seminary Priests: A Dictionary of the Secular Clergy of England and Wales, 1558–1850. – 4 vols. / Godfrey Anstruther. – Ware: St. Edmund's College, 1968–1976.
5. Bossy, John. The English Catholic Community, 1570 – 1850 / John Bossy. – London: Darton, Longman & Todd, 1975. – 446 p.
6. Martyrs of England and Wales, 1535 – 1680 / ed. by Philip Caraman, James Walsh. – London: Catholic Truth Society, 1960. – 48 p.
7. Dures, Alan. English Catholicism, 1558 – 1642 / Alan Dures. – Harlow, Essex: Longman, 1983. – P. 29.
8. Hughes, Philip. Rome and the Counter-Reformation in England / Philip Hughes. – London, 1942. – P. 246.
9. Jardine, David. Foreword [Электронный ресурс] // A Treatise on Equivocation / ed. by David Jardine. – London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. – 180 p. – URL: https://archive.org/stream/treatiseofequivo00jarduoft/treatiseofequivo00jarduoft_djvu.txt
10. Jardine, David. A Narrative of the Gunpowder Plot [Электронный ресурс] / David Jardine. – London: Murray, 1857. – 351 p. – URL: <https://archive.org/details/narrativeofgunpo00jard/page/n1>
11. McGrath, Patrick. Papists and Puritans under Elizabeth I / Patrick McGrath. – Poole, England: Blandford Press, 1967. – 434 p.
12. Nuttall, Geoffrey F. The English Martyrs, 1535 – 1680: A Statistical Review / Geoffrey F. Nuttall // Journal of Ecclesiastical History. – 1971– V. 22. – Issue 3. – Pp. 191–197.
13. Regnans in Excelsis [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.papalencyclicals.net/Pius05/p5regnans.htm>
14. Trimble, William Raleigh. The Catholic Laity in Elizabethan England / William Raleigh Trimble. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1964. – Pp. 68–69.
15. Watkin, E.I. Roman Catholicism in England from the Reformation to 1950 / E.I. Watkin. – London: Oxford University Press, 1957. – 244 p.

L.V. Yegorova

ON THE ATTITUDE TO EQUIVOCATION AND THE PROBLEM OF AUTHORSHIP OF «A TREATISE OF EQUIVOCATION»

Continuing the discussion with Natalia Zelezinskaya («A Wordcrime: Equivocation in the historical context») Lyudmila Yegorova formulates her point of view on the essence of equivocation and discusses the problem of authorship of «A Treatise of Equivocation». She pays special attention to David Jardine's standpoint. In 1851 he published «A Treatise» and in his Foreword presented all the information connected with obtaining the treatise, its authorship, and the reactions followed.

Equivocation, «A Treatise of Equivocation», David Jardine, Robert Southwell, Henry Garnet.